

Метафора в русском и китайском языках: типологический аспект “банальности”*

Курдюмов В.А.**

Аннотация

Метафора (или её проявления), с точки зрения автора, относится к значимым признакам, формирующим типологический облик языка. Если признать детерминирующими: топиковый характер китайского языка и подлежащий — русского (по Ли и Томпсон, 1976), то согласованность предидируемого и предидирующего компонентов в русском предложении порождает необходимость постоянной имитации деятеля и действия (что было отмечено ещё Чжао Юань-жэнем: по отношению к английскому, типичному языку “европейского” стандарта) — как банальной метафоры. В китайской немаркированной (не-художественной) речи банальная метафора недопустима, в то время как повседневная (“правильная”, “согласованная”) русская речь, наоборот, не существует без таких оборотов. Кроме того, связочные предложения в китайском языке не соответствуют “европейским”, а связка 是/係 *shì / xì - hai* де-факто не является и не может быть глаголом, то есть банальная метафоричность связочных конструкций исключается также.

---

* Статья поступила 26.08.2021 и прошла рецензирование 07.01.2022.

** Московский городской педагогический университет, кафедра китайского языка, профессор.

Ключевые слова: метафора, китайский язык, топик-комментарий, типология, подлежащее-сказуемое, банальная метафора.

Metaphor in Russian and Chinese languages: Typological Aspect of “Banality”*

Kurdyumov V.**

Abstract

Metaphor (or its manifestations) is a significant feature forming the typology of the language. If to recognize as determining: the topic-prominent nature of the Chinese language and the subject-prominent of Russian (according to Li&Thompson), the agreement between the predicated and predicating components in the Russian sentence entails the constant imitation of the “actor” and “action” as a banal metaphor. Such metaphor have been mentioned by some authors, but always outside the typological context and without much attention. In unmarked speech a banal metaphor is impossible in Chinese, while everyday Russian speech does not exist without it. In addition, the copula-sentences in Chinese do not correspond to “European”ones, and the copula 是/係 *shì / xì - hai* cannot be a verb (with the banal metaphoric idea of “to be..” / “to exist..”).

Keywords: metaphor, Chinese language, Topic-Comment, typology, Subject-Predicate, banality of metaphor.

---

* Received: August 26, 2021; accepted: January 07, 2022.

** Moscow City University, Department of Chinese Language, Professor.

Типология языков, на что часто не обращают внимание, играет значимую роль для понимания метафоры и её роли в повседневной коммуникации. При противопоставлении флективных и изолирующих языков (мы не берёмся судить об агглютинативных или инкорпорирующих) типологически значимым является противопоставление “банальной” метафоры (термин предлагается нами) и чисто литературной, явно образной. О явлении, которое мы называем “банальной метафорой”, говорилось в трудах русскоязычных русистов, но в сравнительном аспекте применительно к китайскому или подобным языкам такие исследования нам неизвестны. Метафора, которую мы называем “банальной”, обычно лишь упоминается при классификациях как “языковая”, однако она не становилась объектом анализа и не рассматривалась как типологический параметр / составная часть системного типологического облика языка.

Банальная метафора, типичная для повседневной речи и не мотивированная (ни денотативно, ни сигнификативно) суть вербализации ситуации как отношений деятеля и действия, где “всё совершает действие / от всего исходит действие”: *Вода течёт, Время бежит быстро, Мы приходим к выводу, Телефон лежит на столе, Стакан стоит на подоконнике*. Как правило, ни носители русского языка, ни филологи-русисты (равно как любые исследователи флективных языков) не замечают такой метафоричности, считая её естественной и (видимо) неизбежно универсальной для всех языков.

1. Метафора и её типы

С нашей точки зрения, метафора — устойчивый либо окказиональный перенос значения, предположительно понятный потенциальному собеседнику. Перенос значения — заполнение лексической или предикативной ячейки в предложении не

буквальным сигнификативным соответствием, а чем-то смежным или, с точки зрения говорящего, соотносящимся. Цель метафоры (совпадающая с целью любой коммуникации) — уточнение образа ситуации, достижение сущности, минуя объяснения или аргументацию (опять же, с точки зрения конкретного говорящего). Приблизительно так метафора определяется в лингвистических словарях (ЛЭС 1990, 296, Жеребило 2010, 257), где по умолчанию речь идёт о метафоре “поэтической”, о чём пишет и Г.Н. Складневская (2003, 12). Тем не менее, следует отметить, что по отношению к повседневному русскому языку с бесконечной разветвлённой полисемией метафора — уподобление, но — не стремление к сущности.

Значительной проблемой при толковании метафоры является преобладающая лексичность: авторы (Складневская, Арутюнова) не стремятся говорить ни о синтаксическом, ни о дискурсивном аспектах (хотя та же Складневская соглашается с тем, что “Метафора — утверждение о признаках объекта” (18) и говорит о том, что “Специфику денотативной отнесённости метафорического значения определяет характеризующая функция языковой метафоры” (там же). Безусловно, в любом случае, метафора — свёрнутая или развёрнутая предикация.

Золтан Кёвечеш (Kovacs 2010, 33 и далее) пишет о “конвенциональных метафорах”, т.е. устойчивых и приемлемых для коммуникантов-носителей языка: *I defended my argument, We'll just have to go our separate ways, We have to construct a new theory, I can't digest all these facts, The company is growing fast* (34).

С “банальными” можно соотнести метафоры, которые Дж. Лакофф и М. Джонсон (1990) классифицируют (“семантически”) как структурные, онтологические, ориентационные, персонифицирующие и пр., “языковые” (они же — “стёртые”, “не замечаемые”) метафоры в понимании Н.Д. Арутюновой (1990).

Таким образом, для нас метафора является дискурсивным / языковым явлением;

метафоры могут быть разделены на “банальные” (вполне узуальные) и чисто образные (окаzionaliальные, как правило; несомненно, и они могут банализироваться), и такое разделение имеет типологическую ценность. Существуют языки, где “банальная метафора” встречается крайне редко и непонятна носителям; существуют языки, где “банальная метафора” — норма / повседневность, в силу чего не замечается носителями.

2. Топиковая и подлежащая типология языков

По классификации Чжао Юань-жэня (Chao 1968) и Ли&Томпсон (1976, русское издание - 1981) китайский — язык с выдвижением топика (topic-prominent), в то время как русский — с выдвижением подлежащего (subject-prominent). Скорее всего, два данных типа соответствуют флективному и изолирующему, но доказательных исследований на эту тему до сих пор не появилось, хотя тема является исключительно актуальной.

Чжао Юань-жэнь, видимо, был первым, кто упомянул наиболее важный типологический признак: то, что подлежащее в “европейских” языках (в качестве эталона использовался английский, предполагается экстраполяция на флективные языки в целом) неизбежно выражает идею деятеля, вне зависимости от реальной ситуации, а сказуемое — действия. В китайском (экстраполяция на изолирующие языки в целом) такое невозможно. Чжао Юань-жэнь (подглава 2.4.1 “Грамматики...”) говорил о “подлежащем-топике” и “сказуемом-комментарии” (Chao 1968, 92-93), т.е. о характеризуемом и характеризующем: “The grammatical meaning of subject and predicate in a Chinese sentence is topic and comment, rather than actor and action”. В достаточно вольном переводе Люй Шу-сяна в континентальном издании “Грамматики...” (видимо, проф. Люй Шу-сян не до конца верил в идею Чжао

Юань-жэня или или понимал её) это звучит следующим образом: “主語和謂語的關係可以是動作者和動作的關係。…在漢語裡，把主語、謂語當作話題和說明來看待，比較合適。主語不一定是動作的作為者…”(Chao-Lǚ 1979, 45): “Отношение между подлежащим и сказуемым может быть отношением между деятелем и действием .... В китайском языке достаточно уместно рассматривать отношения между подлежащим и сказуемым как отношение между топиком и комментарием”.

Типичные топиковые “предложения” — структуры типа 台北 | 我還沒去玩過
Я ещё не ездил в Тайбэй отдыхать (Тайбэй | я ещё не ездил отдыхать); 台北 | 我還沒去過這種店 Я ещё не был в таких магазинах в Тайбэе (Тайбэй | я ещё не был в таких магазинах). В русской спонтанной речи аналогами выступают высказывания типа *Квартира | Мы пока не въехали* (то, что обычно называется “именительным падежом представления”) и даже “падежные”: *В квартиру | Мы пока не въехали.* В англоязычной литературе “топик - комментарий” это Topic-Comment, в китайскоязычной: 話題-說明 *huàtí-shuōmíng* или 主題-評論 *zhǔtí-pínglùn*.

Ли и Томпсон (Li 1976, Ли 1981), которым, в рамках установок американской “эмпирической” лингвистики, принадлежит главная роль в популяризации и генерализации “топиковой идеи”, фактически не упоминали о “семантическом” аспекте, хотя подробно описали формальные признаки, чётко противопоставив пару “топик-комментарий” паре “подлежащее-сказуемое”. Кроме того, Ли и Томпсон предложили (как для синхронии, так и для диахронии) типологическую схему (4 типа языков), показав / предсказав универсальность топика и выводимость подлежащего по отношению к нему. В дальнейшем “топиковая теория” прошла этапы от тотального отрицания (особенно в советском китаеведении) до частичного признания, затем до широкого распространения, — с расширением до множества формальных трактовок, к примеру, в русле генеративной грамматики (Shi Dingxu 2000).

Таким образом, флективный русский язык является языком с выдвижением подлежащего, что означает, что типичный говорящий (на литературном языке) в типичной ситуации выбирает естественную для него синтаксическую стратегию “подлежащее-сказуемое”, которая отражает идею деятеля и действия (включая связочные и подобные им варианты); подлежащее и сказуемое в нём формально согласованы, и, в силу этого, подвижны в предложении, само предложение является спаянной сильной / целостной единицей, однако при актуальном членении вполне возможно, что тема не совпадёт с группой подлежащего, а рема — с группой сказуемого. На примере “эталонного” высказывания: в русском литературном языке типичной является форма “*Я ещё не прочёл эту книгу*” (при этом топиковая структура “*Эта книга | я не прочёл*” типична для спонтанной речи — де-факто часто не-флективной и топиковой).

Китайский язык *путунхуа* (региональный вариант в континентальном Китае) или *гоюй* (на Тайване) является языком с выдвижением топика: типичный говорящий в типичной ситуации выбирает естественную для него синтаксическую стратегию “топик-комментарий”, которая является элементарной характеристикой и НЕ отражает идею деятеля и действия. Топик и комментарий рассогласованы (в изолирующих языках нет синтаксического согласования, хотя есть текстовое), занимают относительно фиксированную позицию по отношению друг к другу, формируя, скорее, не предложение, а слабую единицу из двух частей: говорящий на китайском предпочтёт топиковую структуру “(Topic) *Эта книга* | (Comment) *я не прочёл*” — 這本書，我還沒看完 *Zhè běn shū, wǒ hái méi kàn-wán*. Безусловно, возможны возражения, что такая структура “не нормальна”, а стилистические нормы требуют “европейского” порядка слов, что может быть связано и с догматизмом, и со значительной вестернизацией образования на и на Тайване, и на континенте. Часто термины “подлежащее & сказуемое” (subject & predicate)

применяются к аналогичным китайским структурам типа “SVO”: 她看書 *Она читает книгу*, что, с нашей точки зрения, недостаточно правомерно: допустим и порядок “топик-комментарий”, и, в любом случае, в китайском варианте согласования форм (важного признака подлежащего и сказуемого) нет и быть не может.

3. Банальная метафора при сравнении русского и китайского языков

В русском языке всё построено на уподоблении деятелю и действию, следовательно:

(1) Книга *лежит на столе* = 書在桌子上 (*Книга находится на столе*, при этом ясно, что глагол 在 zài не воспроизводит русского возвратного действия “находит себя”, и характеристика (не действие) просто соплагается с книгой).

(2) За окном *стоит* хорошая погода = 外面天氣不錯 (*Вне | погода || неплохо*)

(3) Время *бежит* быстро = 時間過得很快 (*Время | проходить (очень) быстро*, опять же здесь нет никакого “русского” действия “истекать”)

(4) Картина *упала со стены* = 這幅畫從牆上掉下來 (кажется, что перевод буквален, на самом деле и здесь в “китайском” сознании картина не совершает никаких действий).

Буквальный перевод на китайский таких русских предложений абсурден, с чем, кстати, связаны проблемы и недоразумения с усвоением русского языка. Достаточно просто, это к примеру, объясняется в видео-роликах (на Youtube и пр.) жившей в России (сейчас уже в Германии) китайской поп-исполнительцы Ян Гэ из серии “Невыносимый русский язык” (к примеру, <https://youtu.be/Pu3mq8G4pOc>:

“...Почему ложку вилки лежат, а стакан стоит? ...А почему остальные животные стоят, а птица сидит на ветке? Но у неё ноги не бывают другие позиции, она как бы стоит, ну почему вы говорите, что они сидят?...” (строй речи сохранён).

Безусловно, и в китайском языке возможно “одушевление”, — но лишь в художественной речи, и такие ситуации всегда маркированы. Достаточно интересно перевод русских литературных метафор на китайский описан Чанг Джуй Ченгом (Чанг 2016) в диссертации, где проанализированы метафоры у Булгакова. Насколько можно понять, автор склоняется к достаточно близким определениям Н.Д. Арутюновой и Дж. Лакоффа (Чанг 2016, 20-21).

Примеры (Чанг 2016, 304):

Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на неё сверху и выбрасывала то там, то тут в <...> небе белые пятнышки звёзд .....

Перевод: 夜已趕過這群馬隊，從他們頭頂上撒播下來，並在天空中，時而那裡，時而這裡，拋出一顆顆白色星星。

Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам ....

Перевод: 黑夜也扯掉了別格莫特毛茸茸的尾巴，撕掉了它身上的毛，並把它亂扔進沼澤地。[перевод Хань Цина 1997: 448].

Если вернуться к онтологии метафоры, то формальные определения будут явно описательными. Искусство (в независимости от формы; в сознании как создателя, так воспринимающего) — выход за грани обыденности с целью приближения к некоей конечной (над)реальности, объясняющей суть бытия, «фильтрация реальности на предмет подлинности». Следовательно, метафора — не просто «замещение одного средствами другого» (таких определений много, то же самое часто говорится и о знаке), а элемент / средство — фильтрации / концентрации бытия, ухода от обыденного языка к экзистенции, сущности. Если условно

разделить функцию языка на три ступени (регулятивная — когнитивная — экзистенциальная) (Курдюмов 1999), то метафора становится универсальным и «мгновенным», «моментальным» «не извилистым» средством прорыва от обыденной регуляции к познанию и выше, при этом, опирающимся на визуализацию, денотативность. Другими словами, стремясь объяснить явление, можно долго и логично объяснять и сравнивать, а можно лишь вербализовать метафору, делающую не нужной (избыточные) описания. К примеру, метафоры в пушкинском стихотворении «Пророк» делают текст фактическим экзистенциальным манифестом.

Вряд ли метафоры у М. Булгакова — украшательства ради насыщения текста «эстетичностью». Они либо ведут (просвещенного) читателя к сущности замысла, многослойным проблемам библеистики, альбигойской философии и т.п., либо максимально ярко раскрывают личность писателя как интеллектуальный дискурс: «Я, автор, (в момент озарения) вижу нечто значимое и предлагаю читателю, опираясь на созданную метафору, перейти в этот постоянно ускользающий от обычного человеческого понимания сущностный мир».

К слову, примитивный художественный нарратив вообще возможен без специальных метафор — жанр пения «русский шансон» построен как набор действий и чувств, отсылая слушателя к достаточно простым и конкретным денотатам и сигнификатам (в чем, кстати, приближен к текстам на языке «вэньянь»).

Таким образом, упомянутые Чжао Юань-жэнем обязательные деятель и действие как основа подлежащего и сказуемого формируют повсеместную банальную метафоричность флективных языков и являются типологическим признаком, одним из составляющих в системе признаков флективного / подлежащего типа. На подобных конструкциях базируются английский,

французский и др. языки.

4. Метафора и связочные предложения

Среди флективных языков обязательно-связочными являются, к примеру, германские (включая английский) и романские языки. В русском языке связка чаще всего опускается, но может “восстанавливаться” или подразумеваться. Речь идёт о “глаголе-связке”: формах *to be* в английском или глагола “являться” — в русском. “Глагол-связка” типичен для латинского, вследствие чего в языкознании сложилась традиция понимать связку как глагол — в любом языке.

Универсальность глагольности навязывается и китайскому, где чаще всего говорится о связке 是 *shì* (южный / архаичный вариант: 係 *xì / hai*). В современных грамматиках 是 *shì* трактуется как “особый” глагол, не имеющий категории вида (например, Liu Yuehua 2003). Однако сфера функционирования 是 *shì* гораздо уже — связка (частично) обязательна лишь в “именных” предложениях типа 他是老師 *Он (суть) учитель*, в “причастных” же, пассивных и пр. конструкциях она не нужна или избыточна. В высказываниях, обозначающих качество (т.н. “качественное сказуемое” в архаичных грамматиках китайского (Горелов 1982): 這個東西很新 *Эта вещь — новая*) вставка “связки” 是 *shì* будет означать лишь усиление эффекта утверждения, в норме она не требуется, конструкции — типичные топиковые.

Английская связка *to be* передаёт идею бытия или существования (соответствующую 在 *zài*, но не 是 *shì*); русский возвратный глагол *являться* — “*являть себя в качестве...*”. Ни то, ни другое не соответствует китайской связке, она вообще не имеет отношения к динамике. Уместно сравнивать связку 是 *shì* с архаичной литературной связкой / точкой / утверждением 也 *yě* в финале высказывания: 南冥者，天池也。 *Nán míng zhě, tiān chí yě* Южный океан

вместилище неба (суть) .

Общеизвестно, что этимология 是 *shì*: существительное *истина* → местоимение *это, этот* → связка, передающая идею характеристики и утверждения. Если не вдаваться в детали, то 是 *shì* (которая при дальнейшей диахронной трансформации, возможно, и станет глаголом — но уже в предположительно агглютинативном языке после китайского) в настоящее время означает: ... **истинно**, что *A соответствует B или входит в его состав* — без “бытия”, “явления”, “глагольности” или динамичности (то есть — без банальной метафоры). Существуют также серии связок, которые, возможно, в силу излишней “лексичности” не рассматриваются в академических грамматиках; как оттенки глагольности, так и потенциальная метафоричность единиц типа 做 *zuò*, 為 *wèi*, 當 *dāng*, 成 *chéng*, 當作 *dāngzuò* (приблизительно: *быть / делаться / становиться*) и пр. заслуживают отдельного рассмотрения, но в целом они точно так же укладываются в каноны топикового строя. Следовательно, в китайских связочных предложениях, топиковых по строению, отсутствует какая-либо банальная метафора “бытия”, “проявления”, а связка не может быть отнесена к глаголам “действия” подлежащих конструкций.

5. Метафора, пассив и “возвратные” предложения

В русском языке пассивные конструкции строятся на основе причастий, однако эквивалентное содержание может передаваться и при помощи возвратной формы глагола: *Чашка разбита* = *Чашка разбилась* (= “разбила себя”: банальная метафора, имитация действия). Исходя из такой аналогии, студенты, изучающие китайский язык, обычно отождествляют семантику и синтаксис китайских пассивных предложений без специального предлога с теми, которые выражены в русских

возвратных (полагая, что и в китайском: *Чашка* именно “разбила себя”).

Как упоминал ещё Ван Ляо-и (1954) китайские пассивные предложения в норме не требуют предлогов-маркеров (эталонные примеры 茶碗打破了 *Чашка разбилась* как “чашка + разбиваться + маркер / суффикс совершённости действия” или 七樓到了 [Мы] *прибыли на седьмой этаж* = *Седьмой этаж достигнут* = *Седьмой этаж | прибыли / прибыло / прибыт / достижение состоялось*). Точно так же они не требуют связки, являясь обычными топиковыми конструкциями характеристики.

電影 | 還沒拍完。 *Кинокартина | ещё не снята.*

下課囉！一天的學習 | 結束了！ *Конец занятиям! День учёбы | завершился.*

東西 | 都帶了。 *Вещи | все взяли.*

Несмотря на русский перевод, в китайском оригинале нет ни “возвратного”, ни собственно действия: речь идёт (лишь) о характеристике состояния.

Если же в синтаксеме ставится маркер пассива (либо как предлог, либо как маркер / “префикс” глагола при неуказании актора) 被 *bèi*, 讓 *ràng*, 叫 *jiào*, 給 *gěi*: 有一隻小羊在河邊喝水，突然給狼看到了 (*Некий*) *маленький барашек пил воду на берегу реки (и) внезапно был увиден волком (...внезапно + предлог + волк + увидел)*, то русский или английский перевод так же не может быть ориентиром в понимании китайского оригинала: речь не идёт ни о связке, ни о метафорической “идее бытия”.

6. Грамматический род в русском и других флективных языках

Грамматический род в русском языке (и, как следствие, запутанная система склонений, когда, к примеру, первое склонение мужского рода имитирует систему склонений женского), с нашей точки зрения, также является проявлением “одушевления” как банальной метафоричности. Согласование в русских

литературных предложениях требует дублирования рода формами глаголов прошедшего времени и прилагательными (“*Белая чашка разбилась*”). Подобные явления свойственны любому не-аналитизированному флективному языку: литовскому, латышскому и др. В подлежащих языках предложение целостно, и мнимая (но явно метафоричная) одушевлённость обслуживает лишь форму. В топиковых языках типа китайского подобное невозможно в повседневной речи, и опять же — допустимо в художественной (при помощи лексических, но не грамматических средств). Безусловно, “явная алогичность” семантики грамматического рода является одной из проблем при изучении русского языка носителями китайского: *Китай - большая страна* (женский род), при этом *Китай - большой* (мужской род), и *Китай - большое государство* (средний род). Очевидно, что атрибуция рода никак не обусловлена ни денотацией, ни сигнификацией.

Таким образом, при сравнительном или контрастивном исследовании метафоры в языках разного строя следует исходить из наличия / отсутствия “банальности”. “Банальная” (или, более традиционно, т.н. “языковая”) метафора является важным типологическим признаком. Русский язык, будучи флективным и подлежащим, располагает широким (или даже бесконечным) узуальным набором “стёртых” глаголов действия и средств согласования в синтаксемах. В китайском языке там, где предметам приписывается “одушевлённое” действие, речь всегда будет идти (лишь) о художественном регистре, где метафора будет очевидно маркированной для участников коммуникации. В китайской речи метафора служит эстетике, в русской — как эстетике, так и банальности повседневного общения. Если говорить о типологических характеристиках, то русский — язык с выдвижением подлежащего, следовательно, флективный и с банальной метафорой (в ряду других признаков), китайский же, — с выдвижением топика, следовательно, изолирующий и без банальной метафоры (опять же, в ряду других признаков).

Литература

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Ван Л. *Основы китайской грамматики*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954.
- Горелов В.И. *Грамматика китайского языка*. М.: Просвещение, 1982.
- Жеребило Т.В. *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.
- Курдюмов В.А. *Идея и форма. Основы предикационной концепции языка*. М.: Воен. ун-т, 1999.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.
- Ли Ч., Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков // *Новое в зарубежной лингвистике*. 1982. № 11. С. 193–235.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Склярская Г.Н. *Метафора в системе языка*. СПб: Наука, 1993.
- Чанг Дж. Метафоризация в художественном тексте (На материале произведений М. Булгакова и их переводов на китайский язык). Дисс. ... канд. филологич. наук. М.: МГУ, 2016.
- Chao, Y.R. *A Grammar of Spoken Chinese*. Berkeley: University of California Press, 1968.
- Kovecses, Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. New York: Oxford University Press, 2010.
- Li, C.N. Subject and Topic: A New Typology of Language. In: *Subject and Topic*. New York, 1976, pp. 457–589.
- Shi, D. Topic and Topic-Comment Constructions in Mandarin Chinese. *Language*. 2000. No. 76 (2), pp. 383–408.
- 趙元任著，呂叔湘譯。《漢語口語語法》。北京：商務印書館，1979。
- 劉月華、潘文娛、故韜。《實用現代漢語語法》。北京：商務印書館，2003。